

Пролог

— Он не успел ничего узнать? — бесстрастно поинтересовался старик, устало опускаясь в свое излюбленное кресло и со старческим хрустом суставов вытягивая ноги.

— Ничего, — мрачно качнул головой его собеседник. — Не успел даже приступить к допросу. Простите, ваше святейшество. Я должен был лично проследить за допросом.

— Ты бы ничего не смог изменить. Ментальная магия коварна и действует исподволь, незаметно для самой жертвы беря ее под свой полный контроль... Но ты повинен в другом. Как мог ты допустить такую оплошность и не проверить прошлое этого Латкари? Его жизненный путь не раз пересекался с этим еретиком лордом! И их застарелая вражда прошла мимо твоих глаз!

— С вашего позволения, но должен заметить, что эта часть прошлого Латкари не прошла мимо моих глаз, — с глубокой почтительностью ответил отец Ликар. — Я знал об их застарелой вражде и самонадеянно посчитал, что это может принести только пользу нашему делу. Я ошибся и со всей смиренностью готов принять на себя любую епитимью. Но знать, что за годы до их последней встречи лорд сумел покопаться в голове Латкари... это мог знать только сам Создатель, ваше святейшество.

— Тебе придется найти еще одного ментального мага и убедить его посодействовать нашему делу. Но на этот раз проверь все тщательно! Впрочем, нам удалось узнать кое-что важное, не так ли?

— Да. Старый лорд не помышляет вырваться из наших рук, — кивнул отец Ликар. — И это более чем странно. Его пытаются... простите, ваше святейшество, я хотел сказать — вопрошатели беседуют с ним днем и ночью, причиняя ему невероятные страдания, но когда появился шанс скрыться, он пренебрег им. И даже не попытался отомстить присутствующему там же дознавателю.

— И более чем странные слова этого закоснелого грешника... — протянув руку, старик взял с невысокого стола густо испачканный лист бумаги. — Вот здесь... «Это всего лишь случайность... а случайностям нет места в Планах».

— Да, я многократно прочитал эти слова. Но не понимаю, о чем речь, ваше святейшество.

— Этот как раз таки просто, отец Ликар. Догадка лежит прямо у наших ног, надо лишь смиренно склониться и поднять ее. Зная упрямство и презрение лорда к боли, с уверенностью можно сказать, что он произнес эти слова далеко не случайно. Он хотел, чтобы его слова были услышаны вопрошателем, усердно записаны и переданы дальше, если не сказать — выше. Лорд Ван Ферсис передал некое послание, смысл которого нам неясен.

— Но донесение вопрошателя было получено только орденом Привратников... вернее, только вами...

— Нет. Еще одна дословная копия была отправлена с курьером в столицу, отец Ликар. Такова воля самого Святого Главы, и не нам ей перечить.

— Простите, ваше святейшество... но неужели вы хотите сказать, что в Церкви есть сочувствующие этому богопротивному еретику или даже... не осмеливаюсь сказать...

— Примкнувшие к нему! Примкнувшие! — раздраженно рявкнул старик, выпуская лист из рук и откидываясь на спинку кресла. — Отец Ликар, сегодня не тот день, когда я жажду услышать лицемерные слова! Говорите прямо! Едва лорд Ван Ферсис оказался в наших руках, я сразу же получил «вестник», исходящий из столичной резиденции Церкви! Короткое послание, в котором четко прослеживается прямой приказ — лорд Ван Ферсис не должен умереть! Позже прибыл курьер с пространном письмом, где восхвалялись наши достижения, выражалась твердая уверенность, что мы добьемся признания и нужных нам сведений от лорда, и опять же — завуалированный и многократно упоминающийся приказ не лишать некроманта жизни и серьезно не калечить ни под каким предлогом! Вот что меня тревожит больше всего, отец Ликар! Насколько глубоко этот так называемый Повелитель — прости меня Создатель за такие слова! — засунул свои лапы в Святую Церковь? Посему вот тебе мой наказ — найди еще одного ментального мага, а лучше — двух! И выпотрошите голову этого еретика! Я хочу знать все, что знает он!

— Я все понял, ваше святейшество, — склонился в поклоне отец Ликар, стараясь скрыть свою оторопь. — Можно ли выразить свое скромное мнение?

Глава Привратников вопросительно приподнял седые брови, и отец Ликар, понизив голос до заговорщицкого бормотания, произнес:

— Если дело настолько серьезно, если лорд может знать имена важных людей из лона Церкви... тогда почему лорда оставили в наших руках? Почему не потребовали немедленно отправить его в столицу? Почему не бояться, что мы вырвем у него сведения?

— На полученном мною письме стоит малая печать Церковного Совета, но нет подписи, — прошелестел старик. — Совет изъявил свою общую волю, что ж... мы покоримся. Их кто-то убедил. Мы сохраним жизнь лорда и будем выжидать. А если придет требование за личной подписью облеченного церковной властью лица... вот тогда мы узнаем, кто именно столь сильно переживает за жизнь лорда. Почему не опасаются, что Ван Ферсис заговорит? Это просто. Они уверены, что он позаботился глубоко упрятать свои грязные секреты. Но скоро «примкнувшие» постараются вырвать лорда из наших рук. Попомни мои слова — совсем скоро придет письмецо с требованием отправить еретика в столицу. Обязательно придет...

— Если этому грязному еретiku так сильно хотят сохранить жизнь... Так не лучше ли оборвать ниточку его жизни? Я сумею это устроить. Во время допросов всякое случается... да и сердце может не выдержать мучительной боли. А лорд уже далеко не молод...

— Это самый простой путь, отец Ликар! Избавиться от него мы всегда успеем, но что толку в его смерти, если не узнаем имена связанных с ним людей? Меня больше всего интересует другое — почему ОНИ хотят сохранить лорду жизнь? Ведь пока еретик дышит, они в постоянной опасности! Почему цепляются за некроманта? Потому и желаю, чтобы лорд Ван Ферсис заговорил!

— Он ментальный маг. К тому же его сущность искажена многолетним влиянием древнего артефакта. Порой мне кажется, что причиняемые страдания доставляют ему некое извращенное удовольствие, — сокрушенно вздохнул отец Ликар. — За все годы службы во благо Церкви я первый раз столкнулся со столь крепким орешком.

— Вложи в это дело всю свою душу без остатка, отец Ликар! — полыхнул глазами старик. — А насчет «младшего близнеца»... Сомневаюсь, что этот богопротивный артефакт можно назвать древним! Его создал Тарис, и создал чуть больше двух столетий назад. Мне идет девяносто шестой год, а некоторые иерархи из лона Церкви куда как старше и, несмотря на «древний» возраст, все так же трудятся во благо Создателя. Семнадцать лет назад умер последний святой брат, который собственными глазами видел падение Западных Провинций во мрак и участвовал в постройке Пограничной Стены... этой проклятой Стены, позволившей развиться гнойнику Диких Земель во всю силу... так он был чуть младше Тариса и куда как старше Близнецов.

— Но он умер, ваше святейшество, — почтительно склонил голову священник — А кинжалы все еще существуют. Во всяком случае, один из них. Но мы приложим все усилия, чтобы очистить мир от этой скверны.

— Что с поручением отца Флатиса? Есть вести?

— Отец Флатис неотступно идет по следу. Я знаю его натуру и уверен, что вскоре он достигнет очередного носителя «младшего близнеца» и доставит его к нам.

— Он принадлежит ордену Искореняющих, — напомнил глава Привратников. — Сумеет ли он совладать со своим желанием уничтожить кинжал?

— Я позаботился об этом. Отца Флатиса сопровождают преданные нашему ордену братья. Они не позволят ему уничтожить артефакт, хотя я все еще и не понимаю, почему эта богопротивная поделка некроманта должна остаться целой.

— Младший Близнец — важная фигура на доске для предстоящей игры, брат мой, — тонко усмехнулся старик, наливая в чашу искрящееся вино. — Что ты знаешь о кинжалах Тариса?

— Жертвенные кинжалы, — пожал плечами отец Ликар. — Позволяли Тарису Некроманту напитывать свою сущность силой, даже если не он сам убивал жертву. Младший Близнец неразрывно связан со Старшим и передает ему большую часть полученной энергии. Кинжал с желтым камнем в рукояти много лет назад оказался в руках лорда Ван Ферсис, а если верить церковным архивным записям, второй артефакт лежит в Ильсере, перемешавшись с костями принца Тариса. Кость к кости, как говорится. Это все, ваше святейшество.

— Как я и думал, ты не знаешь ничего, — кивнул старик и, недовольно поморщившись, велел: — И хватит «святейшествовать» через каждое слово. Мое имя тебе известно — отец Игниус.

— С-слушаюсь, отец Игниус, — запнулся отец Ликар, потрясенный оказанной ему честью.

— У костяных кинжалов, у этих проклятых предметов давно уничтоженного нами культа, есть одна очень и очень интересная особенность. Ты лично общался с лордом Ван Ферсис, с этим вырожденком, убившим столько безвинных людей и сотворившим множество черных ритуалов во славу Морграата. Что ты почувствовал?

После минутного размышления отец Ликар развел руками:

— Ничего, ваше св... от-тец Игниус. Обычный человек, выглядящий поразительно молодо для своего уже достаточно почтенного возраста. Сочится лютой злобой, а пару раз мне показалось, что я говорю с сумасшедшим.

— Ты уже ответил на мой вопрос, хотя и сам того не понял. Но речь не о его молодости. И не о его рассудке. Поглощение чужой жизненной энергии позволяет любому некроманту выглядеть гораздо моложе своих лет, и это много раз помогало нам выявить их и отправить на очищающий костер. Чтобы объяснить все толком, я вернусь на два столетия назад, в то время, когда Тарис был уже повержен и заключен в Ильсеру, в то время, когда по чудовищно глупому приказу императора Мезерана начали строить Пограничную Стену. Вместо того чтобы

довершить начатое, огнем и мечом искоренить всю темную мерзость, император предпочел отгородиться от беды стеной, тем самым подарив нечисти время, чтобы подняться на ноги... Да, то были времена заката некогда великой Империи. И именно тогда один из наших архивариусов, человек дотошный, въедливый и, что самое главное — умный, обратил внимание Церковного Совета, что ни один из общающихся с Тарисом священников не учуял исходящий от него гнилой запах некромантии. Принц Тарис начал высылать или умертвлять наших священнослужителей незадолго до начала братоубийственной войны, а к тому времени он пускал кровь десяткам людей ежедневно. Обильные жертвы, темные ритуалы, практикование Искусства — и при всем при этом от него не исходил присущий всем некромантам запах скверны. Не воняло Морграатом, всегда отмечающим своих последователей аурой гниения. Несмываемым клеймом. Ты улавливаешь мою мысль?

— Я само внимание, отец Игниус, — отозвался жадно вслушивающийся священник — Само внимание.

— Я устал задирать голову, чтобы встретиться с тобой взглядом, — прошелестел глава ордена. — Возьми стул и сядь.

Дождавшись, пока отец Ликар осторожно опустится на самый край резного стула, Игниус продолжил повествование:

— В те годы на слова архивариуса не обратили должного внимания. Были куда более серьезные проблемы — восставшие из мертвых зомби и прочая нечисть, наводнившие земли Империи, теряющий власть Мезеран, последствия катаклизма, уничтожившего помимо Инкертала еще множество прибрежных городишек и рыбацких деревень. Все это требовало неусыпного внимания Церкви — упокоение мертвяков, успокоение погруженных в страх мирян, утешение потерявших близких и кров людей и управление ими поступками во благо Создателя... Четыре великих «У», в которых выражается сама суть Церкви — упокоение, утешение, успокоение и управление... и мы использовали все эти способы, дабы удержать остатки страны от падения в темную бездну... То были тяжелые годы, но Церковь справилась.... Однако речь сейчас не об этом, брат мой. Старый лорд Ван Ферсис, некромант, жрец Раатхи, убийца, обагривший руки в крови сотен жертв, — но он ничем не отличается от обычного человека. Ни один из видевших его священников не смог узреть в лорде некроманта, не учуял исходящее от него зловоние Морграата. История вновь повторяется, делает новый виток... и сейчас я начинаю понимать, что общего между Тарисом и лордом Ван Ферсис...

— Они оба владели костяными кинжалами, — тихо произнес священник, и отец Игниус удовлетворенно кивнул.

— Да. Оба творили некромантию и оба умерщвляли несчастных жертв Близнецами. Оба спокойно ходили по оживленному городским улицам и беседовали со священниками, не боясь обличения. И оба

избегали появляться рядом с церквями. То, что незримо для обычного человека, не останется незамеченным Создателем нашим...

— Близнецы позволяют скрыть практикование некромантии? — в некотором замешательстве произнес отец Ликар. — Я никогда не слышал ни о чем подобном, ваше святейшество.

— Равно как и я, сын мой.

— Но я согласен с вашей догадкой. Поганые некроманты всегда старались избегать городов, предпочитая таиться в лесной глухомани, прятаться в глубоких пещерах и прочих труднодоступных местах. Там, где их не настигнет взор священника. А лорд Ван Ферсис никак не изменил свой жизненный уклад с тех пор, как в его руки попал Младший Близнец. Частенько бывал в столице, навещал дворец, не пропуская ни единого достаточно важного события. Разве что прекратил посещать молебны. Этому может быть только одно объяснение — он знал, что ему не грозит опасность, что он надежно защищен. И защиту он получил от артефакта Тариса.

— Не думаю, что здесь можно использовать слово «защита», отец Ликар, — тяжело качнул головой старик, отставляя недопитую чашу с вином. — Лорд уже лишился артефакта, но зловоние некромантии никак не проявилось. Нет. Кинжал действует иначе. Ни к чему защищать то, что не требует того. И Ван Ферсис это знал.

— Я несколько запутался, отец Игниус, — признался священник. — Ваши мысли настолько глубоки, что ускользают от моего понимания. Мой скудный разум...

— Не юродствуй! — глава ордена раздраженно полыхнул глазами. — Будь твой разум скуден, ты бы здесь не сидел! Любой обученный священник может увидеть исходящую от некроманта вонь Морграата. Но также может отличить обычного селянина от солдата, мясника от зеленщика и палача от чиновника, причем сделает он это с закрытыми глазами! И причина проста — некромантия это убийства, это причинение боли и страданий. Солдат убивает на войне, мясник режет скотину, а палач жестоко истязает людей, дабы выбить из них признание, и опускает топор на их шеи, выполняя приговор суда. Они убивают и тем самым получают часть чужой жизненной энергии, сами того не желая. Клейма темного Искусства на них нет. Они не проводят темные ритуалы, не вытягивают из своих жертв последние капли силы и, самое главное — не управляют чужой энергией. Эти люди просто делают свою работу, но мы их видим и легко вычленим из толпы. И причина этому лежит на поверхности — сущности умелых палачей, усердных дознавателей, удачливых солдат и мясников с больших боен напитаны чужой жизненной энергией. Она бурлит в их телах в поисках выхода, бьет в виски головной болью и наполняет разум ночными кошмарами. Из сострадания мы всегда помогаем этим несчастным, когда они приходят за помощью в храм Создателя Милостивого.

— Так вот почему палачи так часто нуждаются в исповеди... — почти прошептал отец Ликар. — Ведь после каждого публичного наказания они спешат либо в трактир, либо в церковь...

— Да, — кивнул отец Игниус. — Полученная во время экзекуции сила подобна кипящей в котле воде, грозящей в любой момент перехлестнуть через край. Они не знают об этом, принимают внезапное смятение ума за угрызения совести... торопятся залить ее вином или бегут на исповедь. Каждый святой отец может помочь страждущему и снять излишки энергии, как повар отливает часть бурлящей воды из котла, чтобы она не залила очаг. Но помогает и трактир — чем там многолюдней, тем лучше. Чем больше дружеских объятий, похлопываний по плечу и рукопожатий, тем больше невольно накопленной чужой жизненной энергии покинет его тело. Часть рассеется в воздухе, а часть перейдет к другим людям. Еще лучше — если после долгой дружеской попойки тот же палач, или солдат, уединится с податливой на похотливые ласки служанкой. Именно по этой причине практикующие некромантию избегают физического контакта с любым живым существом. Боятся потерять накопленную энергию. За исключением контакта с истязаемыми ими жертвами — в этом случае прикосновения и тесный контакт необходимы. Так вот, никому из самых страшных некромантов за всю историю человечества не удавалось скрыть свою напитанную тьмой сущность от наших взоров. Кроме Тариса Ван Санти и лорда Ван Ферсис. У каждого человека своя собственная, уникальная и присущая только ему жизненная сила. Как... м-м-м...

— Возможно, столь же уникальные и отличные от других, как неповторимы цвета в радуге.

— Подходящее сравнение, — кивнул старик. — Я предполагаю, что Близнецы работают подобно кузнечному горну, который с легкостью переплавляет и пережигает изначально чуждые друг другу металлы в единое целое. Как река вбирает в себя мелкие ручейки без остатка, с легкостью смешивая в своем русле воду с горных вершин и долинных ключей в единый бурлящий поток, где уже ничего не разберешь. Артефакт убирает разнородность энергий. Это одно из их предназначений. И именно поэтому владеющие этими артефактами некроманты незаметны нашему взору.

— Осмелюсь возразить, ваше святейшество, ибо сейчас отец Флатис подобно неутомимой гончей идет по темному следу Младшего Близнеца, источающего гнилостную вонь за лиги от себя. Только поэтому они еще не сбились со следа.

— Артефактом недостаточно просто владеть! — полыхнул глазами отец Игниус, в раздражении пристукивая кулаком по подлокотнику кресла. — Надо еще уметь им пользоваться! Дай недотепа топор, и он останется без пальцев, а настоящий плотник при помощи этого

инструмента выстроит великолепный дом, что простоит века! Те несчастные, что попали в силки темного артефакта, всего лишь повинуются его приказам. Пытаются спасти кинжал любой ценой. Они просто носильщики, разменная монета. И это позволяет отцу Флатису не сбиться со следа, по которому он идет уже второй десяток лет.

— Я понял, отец Игниус, — смиренно склонил голову священник. — Все будет исполнено. Уже сегодня я отправлюсь на поиски ментальных магов. Благо Церкви превыше всего.

— Именно так, отец Ликар, именно так... И не забудь о Корисе Ван Исере! Ему отправили «вестник»?

— «Вестник» был отправлен и достиг барона... но ответа мы не дождались, ваше святейшество.

— Этот человек является ключом к Ильсере. К саркофагу с телом Тариса Ван Санти и, что самое главное — к Старшему Близнецу. Если он вздумает добраться до затопленных руин Инкертала и вскрыть гробницу Тариса Некроманта...

— Ваше святейшество... прошло двести лет с тех пор, как крышка Ильсеры опустилась и запечатала в себе Тариса. Какая бы могущественная магия ни была заключена в саркофаге из багрового камня, она давно иссякла. А Тарис мертв, истлел, превратился в зловонный прах.

— Я распорядился дать тебе доступ в наши закрытые архивы. Там, отец Ликар, ты сможешь узнать об этой глубочайшей ошибке Церкви, о созданном нашими руками саркофаге много нового. Ильсера может позаботиться о своей сохранности самостоятельно. Может черпать силу из любого живого существа, осмелившегося к ней приблизиться. И самое главное предназначение Ильсеры — не выпустить Тариса наружу... до тех пор, пока крышку саркофага не поднимут. Не выпустить живым или мертвым! Тело принца могло истлеть, но вот его дух, его душа... Печати Ильсеры держат под замком злобную душу Тариса Некроманта, проведенную в мрачном и тесном узилище больше двух веков!

— Святой Создатель Милосердный...

— Если Корис Ван Исер не желает покинуть своей норы в Диких Землях, то мы проявим смирение, умерим гордыню и сами придем к его порогу и постучимся в дверь! Собирай отряд, отец Ликар! Сразу же как отец Флатис заполучит в свои руки Младшего Близнеца, ему предстоит новая миссия — он послужит проводником и вместе с тобой отправится к поселению опального барона Кориса Ван Исера.

— И когда мы туда доберемся... что мы должны передать барону?

— Волю святой Церкви, отец Ликар! Барон Корис Ван Исер должен смиренно отдать себя в руки братьев наших, кои препроводят его в обитель ордена для душеспасительной беседы.

— А если он откажется, ваше святейшество? Отец Флатис упоминал, что у барона крайне своенравный характер.

— Если он откажется, то тем самым не оставит нам выбора. Было бы крайне полезно побеседовать с бароном или, вернее — с тем существом, что засело в теле барона, но иногда проще раздавить змею сразу, чем лелеять тщетную надежду, что она не вонзит ядовитые клыки в ногу проходящего мимо путника... Ты уловил мою мысль, отец Ликар?

— Да, ваше святейшество. Я понял все предельно ясно.

Глава первая НА ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СВЕТОМ И ТЬМОЙ

Пограничная Стена

Серая, мрачная и бесконечная каменная лента, отделяющая мирную страну от смертельно опасных Диких Земель. Отделяющая спокойствие и уверенность в завтрашнем дне от вечного напряжения и мучительных гаданий о том, что случится завтра. Обладай я поэтичной натурой, то не преминул бы назвать Стену границей между жизнью и смертью... но я был куда более приземленным человеком и видел перед собой лишь преграду, мешающую добраться до цели.

Громаду Стены от меня отделяло не менее полулиги, но казалось, что до нее рукой подать, настолько она поражала своей массивностью и внушительностью. Пошедшие на постройку каменные прямоугольные блоки были настолько большими, что даже с разделяющего нас расстояния я отчетливо различал их очертания. Поверх Стены высокий парапет, надежно защищающий несущих стражу воинов от вражеской стрелы. Самих стражников я не видел, но в нескольких местах к пасмурному небу тянулись тонкие струйки дыма, свидетельствующие о наличии жизни. Охрана не дремлет. Впрочем, стражникам не требовалось особо напрягаться, чтобы углядеть опасность — перед Пограничной Стеной не росло ни единого дерева, куста или чахлой былинки. Не было даже снега. Абсолютно ровная полоса земли в четверть лиги шириной, уходящая в бесконечность на север и упирающаяся в Ядовитое море на юге, доходя до самой воды.

На промерзшей почве тускло блестел тонкий слой инея, но он не мог скрыть проглядывающую сквозь него черноту. Пепел и зола — вот и все, что осталось от некогда буйствующей здесь растительности. Выжгли все без остатка. Разумно, но меня поражали масштабы содеянного — Стена тянулась на сотни лиг, а полоса выжженной земли была никак не короче. Сколько же усилий требуется, чтобы поддерживать все в столь идеальном порядке. Ведь выжигание приходится повторять регулярно, не давая растениям шанса разрастись. Без магии здесь определенно не обошлось.